

1. Затонский Д. Постмодернизм – гипотезы возникновения // ИЛ. – 1996. – № 2. – С. 273-283.
2. Кузнецов С. Обучение хаосу // ИЛ. – 1996. – № 3. – С. 223-229.
3. Пинчон Т. Энтропия // ИЛ. – 1996. – № 3. – С. 213-222.

Подкорытова Е. П. Постмодернизм в литературе (философско-мировоззренческие основания). Целью статьи является попытка определения места и своеобразия путей становления и развития постмодернизма в литературной жизни второй половины XX ст. Дается теоретическое обоснование, философская основа, основной принцип и признаки этого литературного феномена. Художественное воплощение постулатов постмодернизма иллюстрируется примерами творчества выдающихся писателей англоязычной литературы. Автор подчеркивает тенденцию постмодернизма последних десятилетий к расширению сферы своего влияния в плане усиления его гуманистического звучания.

4. Умберто Эко. Заметки на полях "Имени Розы" // ИЛ. – 1988. – № 10. – С. 101-108.
5. Barth J. The Literature of Exhaustion. Atlantic Monthly, 1967. – P. 29-34.

Podkorytova E. P. Postmodernism in the literature (philosophical-outlooking basis). The article is an attempt of defining the place of postmodernism in the literature of the XXth century. As well as of the ways of its development. In deals with theoretical substantiation, the philosophic foundation, basic principles and features of this phenomenon in literature. The artistic implementation of PM is illustrated by the works of outstanding English writing authors. The author of the article stresses the tendency of PM towards humanism.

**Опарин А.Ю. – преподаватель
(БНТУ, Минск, Беларусь)**

От текста к произведению, или испытание Другим (смысловая разрешимость текста постмодерна как этическая проблема)

В настоящей статье рассматривается проблема соотношения "автора", "текста" и "читателя" в её постструктуралистско-постмодернистской и "после-постмодернистской" интерпретациях. Показывается, что возврат в "после-постмодернизме" к понятию Другого позволяет указанную проблему сориентировать в коммуникативную плоскость и тем самым актуализировать её этический аспект.

Проблема взаимоотношений "автора", "текста" и "читателя" как трёх участников процесса интерпретации в последнее время, казалось, потеряла свою прежнюю остроту. Что могло быть связано, в первую очередь, с общим кризисом постструктуралистской и постмодернистской идеологий классического образца и наступлением так называемой "после-постмодернистской" (after-postmodernism) перспективы, ознаменованной смещением акцента с реальности текстологической на реальность коммуникативную и центрирующей вокруг понятия Другого.

Тем не менее, представляется, что последнее событие отнюдь не лишает эту проблему значимости, а, напротив, позволяет обнаружить новые ракурсы её рассмотрения. В первую очередь это связано с тем, что в контексте общей установки на "воскрешение" Другого, перенос рассмотрения связи "автора", "текста" и "читателя" в коммуникативное пространство с необходимостью ставит перед современной культурфилософией вопрос об этических аспектах их взаимодействия.

Это – реабилитация Другого, взятого в его онтологическом статусе: с одной стороны, окружающий мир, представленный множеством Других как источником информации о нём, и, с другой, но в том же ключе – инди-

видуальное "я", пытающееся обрести всю полноту своего бытия в бытии Других. Доказательство конструктивности такой реабилитации и есть целью этой статьи.

С конца 60-х гг. XX века в западной философии культуры возобладала тенденция на элиминирование "автора" из процесса смыслопорождения и превращение "читателя" едва не в единственного участника этого процесса, начало которой было положено работами Р. Барта и М. Фуко. Последние поспешили заявить об искусственности, фиктивности фигуры "автора", связывая её появление напрямую с появлением т.н. "литературной истории" и литературной критики, а также новоевропейских представлений о человеческой личности. При этом в рамках новоевропейской традиции "автор", по мнению Фуко, постепенно был превращён в некий функциональный принцип, призванный расчленивать более общие философский, научный, художественный и т.д. дискурсы на частные "авторские" дискурсы. Одновременно "функцией-автор" определялось и легитимировалось смысловое единство текстов культуры, что ограничивало свободу последующей их реконструкции и реинтерпретации.

В противовес этому Фуко и Барт выдвинули концепцию "смерти автора", утверждая фактическое отсутствие его в связи с постулируемым ими растворением авторского сознания в имперсональности языка, ввиду чего и сам субъект письма оказывался растворён в процессе письма. Таким образом, "автор" переставал быть актом бытия, становясь лишь актом сознания. И такого рода рассмотрение места "автора" в мире на долгое время стало "общим местом" континентальной и, во многом, американской традиций философствования.

Первичным принимался "текст", который в рамках постструктурализма стал пониматься уже как самостоятельная, функционирующая по своим собственным правилам реальность, независимая не только от воли конкретного подателя текста (эмпирического автора), но и от окружающей его действительности. Более того, превращаясь в глобальный "интертекст культуры", "текст" более уже не замыкался в рамках тех или иных литературных, визуальных и т.п. произведений, но сам активно участвовал в конституировании этой действительности, формируя человеческое сознание и специфику отношения человека к миру.

При том, что сам институт "произведения" теоретиками постструктурализма также ставился под сомнение как вторичный по отношению к "тексту". В фигуре "произведения" они усматривали ту же функцию прижуждения, что и в фигуре "автора", обе они равно ограничивали, по их мнению, свободу смысловой рекомпозиции и декомпозиции "текста" в границах дискурса. Собственно, и тот же "дискурс" принимался уже в качестве тоталитарной структуры, привносимой извне и организующей сознание и речевую деятельность индивида.

Смысловое разрешение "текста" возможно лишь в "читателе". Но в отсутствии "автора" нет критерия более истинного прочтения, тем более, что за рамками "текста" нет и не может быть никакой другой реальности, кроме уже включённых в "текст", а через него включённых и в сознание участников процедуры, в связи с чем становится невозможной верификация полученных данных с истинным положением вещей. "Читатель" центрирует текст относительно своих смысловых схем, но эта новая целостность столь же проблематична, как и образ самого читателя: никогда нельзя сказать, насколько последующая интерпретация будет соответствовать предыдущей, и насколько статичен окажется адресат письма, который, равно как и "автор", сам погружён в бесконечную языковую текучесть. То же относится и к иным точкам "центрации", привносимым новыми субъектами этого процесса.

Так процесс толкования становится безграничным и ведёт в конечном итоге к полному "выворачиванию" текста наизнанку, превращению его в собственную противоположность, что исключительно ясно выразилось в практике деконструкции. Теоретики последней попытались пересмотреть прежние подходы к проблеме смысла. Согласно их построениям в постсовременный период проблема смысла переходит на уровень индивидуальной перцепции, и становится эпистемологической и онтологической проблемой изолированных друг от друга индивидов, – так, во всяком случае, это формулирует Т. Д'ан [1, 216-217]. Однако в ситуации невозможности соотношения личного опыта прочтения "текста" с константной реальностью, будь то реальность актуальная или реальность внутреннего опыта эмпирического автора, участники процедур интерпретации симулируют её, создавая копии, для которых нет оригинала. Что напрямую, как представляется, связано с радикальным отказом именно от инстанции Другого в качестве внешнего фактора, с одной стороны, задающего контуры реальности, а с другой, в качестве "своего иного" позволяющего бесконечно объективировать свой личный опыт.

Допущение существования Другого правит собственными представлениями человека о действительности. Фигура его верифицирует личный опыт и ожидания человека в соответствии с тем, каким мир пребывает вне его сознания. Именно Другой разделяет сознание и его объект [2]. За отсутствием же Другого только и возможен феномен "постмодернистской чувствительности", в границах которого обнаружение содержания реальности становится невозможным – реальность полностью заключена в сознании и есть репрезентация децентрированного "я" вовне.

При этом "автор", "текст", "оппонент", "читатель" – всё это проявления структуры Другого, и в этом смысле они позволяют выстроить целостный универсум смысла. Осмысленная интерпретация – это допущение возможности существования другой интерпретации, притом, что "текст" означает только то, что означает, и в этом отношении выступает гарантом правильного истолкования. Осознание этого должно удерживать от привнесения смысла в "текст", и ориентировать на обнаружение смысла в нём.

Необходимо постоянно заступать на место Другого, воспринимая его образ мыслей. Это и есть, согласно Гадамеру, суть истинной интерпретации. Понимание – это всегда понимание Другого. При том, что это отнюдь не означает отказа от восприятия окружающей действительности как "текста", но формирует установку на отношение к ней (реальности) как к "произведению", пусть "открытому" для вмешательства извне, но не с целью его деконструирования, а, скорее, реконструирования его семантической структуры в контексте присутствующего, как предполагается, этому "произведению" смысла.

"Автор" же, принятый в качестве структуры Другого, которая есть не более чем вера эмпирического автора в определённый порядок вещей, зафиксированная в "тексте", в этом контексте и есть нечто, подлежащее пониманию. "Автор" погружён в текст, при этом, согласно У. Эко, текстуальная структура "автора" должна постоянно создавать своего "идеального читателя", готового безоговорочно принять авторские правила игры: "образцовый автор", функционирующий на метауровне как нарратор, задаёт условия интерпретации, поскольку ответственен за вложенное им в текст содержание. В то время, как "текст", сам взятый в качестве Другого, порождает собственные смыслы. "Читатель" же "текст" завершает, производя окончательную смысловую организацию "текста", будучи, в свою очередь, ответственным перед "автором" и "текстом".

Таким образом, следует отметить, что восприятие литературного текста аналогично восприятию "текста" мира. И "наши искания образцового автора – это поиск эрзаца другого образа, образа Отца..." [3, 219]. Признание возможности существования "автора", в конечном итоге, организует литературный текст, признание возможности существования Бога – производит смысловую организацию "текста" мира. Но поскольку всё это структуры Другого, то, в конечном итоге, все мы оказываемся ответственными перед Другим, в каком бы виде он не являлся бы. Это и есть этическая составляющая рассматриваемой проблемы: этический подход начинается, едва "на сцену приходит Другой" [4, 14].

Література:

1. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996.
 2. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого// Гурнье М. Пятница, или тихоокеанский лимб. - СПб., 1999.

3. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. - СПб., 2002.
 4. Эко У. Пять эссе на темы этики. - СПб., 2000.

Опарін О.Ю. Від тексту до твору, або випробування Іншим (сміслора вирішувальність тексту постмодерну як етична проблема). У статті розглядається проблема співвідношення "автора", "тексту" та "читача" в її постструктуралістсько-постмодерністській і "після-постмодерністській" інтерпретаціях. Показується, що повернення в "після-постмодернізмі" до поняття Іншого дозволяє вказану проблему зорієнтувати в комунікативну площину й тим самим актуалізувати її етичний аспект.

Oparyn O.U. From the text to the text or text by Another (the decision to the text to a postmodernist style as an ethical problem). The article deals with the problem of a parity of "author" to "text" and of "reader" in its post-structuralistic - post-modernist and post-modernist interpretations is considered. It shows that postmodernism return to the notion of a different thing allows the mentioned problem to direct into communicative field and actualize its ethnic aspect.

*Слюсар В. М. – аспірант
 (Житомирський педуніверситет)*

Постмодерністський фемінізм про детермінацію самореалізації особистості

У даній статті автор акцентує увагу на вивченні соціально-культурної детермінації свободи вибору сфер та механізмів самореалізації особистості. Автор вважає, що досліджуючи особливості, індивідуальної свободи, потрібно звернути увагу на дослідження впливу певних біологічних відмінностей на даний процес, одними з яких є статеві, зокрема можливості становлення жіночої суб'єктивності, на що звертають увагу філософи постмодерністського фемінізму.

Оскільки в комп'ютеризованій, значною мірою формалізованій системі суспільних відносин свобода самореалізації особистості детермінується соціальними факторами, в результаті чого певний індивід не має можливостей для вибору сфер та механізмів реалізації своєї життєвої програми через належність до певної соціальної групи, раси, національності чи статі. Метою даного дослідження є виявлення особливостей теоретичного осмислення даної проблеми представниками постмодерністського фемінізму, оскільки в наш час актуальною є система філософських поглядів представників даної течії, як і самої загальнофеміністичної критики, оскільки в радянські часи в нашій країні твори багатьох філософів-феміністів не друкувалися, проте в наш час, з'являються центри, як от у Харкові, проводяться дослідження даних проблем та видаються твори-оригінали.

У процесі розвитку сучасної філософської науки особливу увагу викликає проблема самореалізації особистості, розглядаючи її в різних ракурсах: і як гармонію та єдність усіх елементів особистості, і як базову потребу, і як фактор психічного здоров'я та довголіття, і як підґрунтя для повноцінної життєдіяльності людини як суб'єкта особистісного та суспільного буття тощо. Особливо змістовним є розгляд даного питання такими філософами як З.А. Абдулліна, В.Л. Іноземцев, В.І. Муляр, Г.К. Чернявська, В.С. Швирьов, Л.Г. Щитова, Е. Фромм та деякими іншими, які визначали самореалізацію особистості як умову та гарантію свободи особистості. Виходячи з визначення свободи як "здатності людини діяти у відповідності до своїх інтересів та цілей, опираючись на пізнання об'єктивної необхідності" [1, 569] та розуміння самого поняття "особистості" як людини, яка є суб'єктом розвитку матеріальної та духовної культури [7, 273], потрібно відзначити, що втілення свободи виходить з конкретно-історичного втілення необхідності у вигляді реально існуючих природних умов та соціально-економічних відносин, які, у свою чергу, обумовлюють коло її інтересів, а також у вигляді матеріальних засобів для досягнення поставлених цілей, тобто свобода є особливим способом детермінації духовної реальності [2, 570] Отже, свобода вибору сфер та механізмів самореалізації детермінована культурними, державними, релігійними, моральними факторами конкретного історичного соціуму.

Механізми подолання обмеження свободи самореалізації за певними ознаками, зокрема за національністю, расою, статтю, релігійними переконаннями, залишається актуальним предметом дослідження сучасних наук, об'єктом вивчення яких є суспільство. Саме для надання жінкам рівних з чоловіками можливостей щодо реалізації власних інтересів та цілей і виникли феміністичні рухи. У своїх уявленнях такі релігії як іудаїзм, християнство та мусульманство закріпили вищість чоловічого над жіночим: першим було створено чоловіка, а жінку йому дано лише для допомоги; першою ж гріх вчинила жінка, а отже, вона є і винуватицею втрати людиною життя у раю. Межі сфер самореалізації жінки релігією чітко окреслені: "Ти в муках родитимеш діти, і до мужа твого пожадання твоє, ? а він буде панувати над тобою" [Буття. 3, 16]. У культурі існувала тенденція вважати, що все найкраще створюється лише чоловіками, а якщо автором певного шедевру є жінка, то її творчості були просто притаманні чоловічі риси. Так, літературна діяльність видатної української поетеси Лесі